

место уделено описанию вооружения, естественно, в основном на археологическом и иконографическом материале (с. 89–98). Из военных кампаний этой эпохи автор рассматривает гражданскую войну на Боспоре в 45–49 гг., а о других лишь упоминает.

В небольшом «Заключении» (с. 101–103) подводятся итоги работы. Еще раз отмечается влияние местного населения на военное дело боспорских греков – сначала скифов, а затем сарматов и в меньшей степени римлян.

М. Мельчарек ведет исследование в традиционном для большинства отечественных и западных военных историков русле, он не рассматривает военное дело с позиции отдельного индивидуума, подразделения или армии, не учитывает военно-психологические особенности и историко-культурные параллели (направление Дж. Кигена, В.Д. Хэнсона и др.), а это тем более надо было сделать вследствие скудости нарративных источников. Военное дело рассматривается им с самых общих позиций. Большая зависимость от отечественной, главным образом археологической литературы, не позволила автору быть особо оригинальным. Автор, например, отмечает наличие трех копий у боспорских гоплитов в III в. до н.э. (раскрашенная надгробная стела, найденная на горе Митридат, см. табл. VII)⁴ и на рельефах надгробий I–II вв. н.э. (с. 47). Казалось бы, интересная тема, на которую в отечественной историографии внимание не обратили. Можно было бы попытаться объяснить это странное явление. Что это? Периферийная заторможенность развития и соответствие времени греческой архаики, когда эллинские гоплиты имели еще по три метательных колья, или же влияние местных племен (в примере, меотов, у пехоты которых были популярны дротики)⁵, или же вообще изображен пельтаст (но в поножах!), имевший несколько метательных копий? Другой интересный вопрос, который остался без ответа: почему в первые века нашей эры на Боспоре появились тяжеловооруженные воины с большим овальным щитом и тремя копьями. Что это – континуитет или римское влияние? Ведь у римлян ланциарии также имели до пяти ланцей, как это показано на стеле из Апаmesi Аврелия Муциана из II Парфянского легиона (III в.)⁶. Рассуждения на эти темы позволили бы автору предложить свой вариант развития элементарной тактики боспорцев и заполнить существенный пробел в книге, ведь описание тактики сам автор поставил одной из своих задач, а как раз ей почти не уделено места. Однако все эти замечания и пожелания нисколько не умаляют значения работы, а являются скорее призывом к продолжению исследований по данной теме.

В целом надо приветствовать появление широкого добротного обобщающего труда, где сведены воедино различные аспекты военного дела Боспорского царства практически на всем протяжении его существования и который выполнен на современном научном уровне. Данная монография позволяет заполнить существующий в западной и отечественной историографии пробел по комплексному исследованию армии Боспорского царства. Хочется пожелать автору дальнейших успехов на поприще изучения военного дела.

А.К. Нефёдкин

© 2002 г.

MAREK J. OLBRYCHT. Parthia et ultiores gentes: die politischen Beziehungen zwischen dem arsakidischen Iran und den Nomaden der eurasischen Steppen. München, 1998. VII, 337 S. Anhang: Karten (Quellen und Forschungen zur antiken Welt. Bd 30)

Книга польского ученого Марек Ольбрыхта посвящена теме, казалось бы, далеко не новой: политической истории Аршакидского государства. Но, как это часто бывает, первое впечатление обманчиво – история Аршакидов рассмотрена в книге под таким углом зрения, какой позволяет увидеть в этой теме новые грани, новые проблемы, на которые предшественники обращали мало внимания.

⁴ Также см. *Иванова А.П.* Скульптура и живопись Боспора. Очерки. Киев, 1961. С. 108–109. Рис. 52.

⁵ См. *Кожухов С.П.* Вооружение и конское снаряжение у племен Закубаныя меото-сарматского времени (III в. до н.э. – III в. н.э.); Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1994. С. 15–16.

⁶ См. *Warfare in the Ancient World / Ed. J. Hackett.* New York–Oxford–Sydney, 1989. P. 239.

Автор справедливо отмечает (с. 1), что парфянская история до сих пор исследована очень неравномерно. Внешние связи Аршакидского государства изучались главным образом в аспекте отношений его с Селевкидами и Римом. В степных племенах видели лишь постоянную угрозу для Парфии. Пионером нового подхода к изучению взаимоотношений Аршакидов и кочевников, учитывающего многообразие контактов, автор признает М.И. Ростовцева (с. 3).

Целью своей работы М. Ольбрыхт считает реконструкцию политических контактов Аршакидского Ирана с его соседями в Центральной Азии и на юге Восточной Европы, «среди которых кочевые племена занимали центральное положение» (с. 1). Надо сказать, что непрерывным условием выполнения этой задачи является неограниченное владение информацией, содержащейся в научной, в частности археологической, литературе на русском языке. Западные ученые удовлетворяют этому условию не так уж часто. М. Ольбрыхта упрекнуть в этом отношении не в чем: научную литературу на русском языке он знает прекрасно.

Книга состоит из четырех частей. Первая – введение (с. 1–26), посвященное определению предмета и цели работы, обзору источников и научной литературы, изложению общих соображений по поводу взаимоотношений номадов евразийских степей с внешним миром и географических констант истории Ирана и Центральной Азии. Вторая часть содержит основные материалы работы (с. 27–234). Третья часть посвящена обзору Аршакидского Северо-Восточного Ирана и закаспийских степных народов в свете археологических источников (с. 235–252). Четвертая, заключительная часть (с. 253–268) – это общий взгляд на Аршакидов и кочевой мир в ретроспективе и перспективе.

Остановимся подробнее на второй части работы. Она состоит из следующих разделов: «Номады Центральной Азии в ахеменидское и эллинистическое время» (с. 27–50), «Возникновение и устройство Аршакидского царства» (с. 51–76), «Большие вторжения номадов в Туркестан и Иран (II в. до н.э.)» (с. 77–105), «Парфия и степные народы в I в. до н.э.» (с. 106–137), «Парфяно-кочевнические взаимоотношения от Артабана II до Готарза II» (с. 138–175), «Парфянская держава и степные племена во времена поздних Аршакидов» (с. 176–234).

Согласно автору, к концу существования Ахеменидской державы на ее северо-восточных границах сложилось некое равновесие, определенная система, объединявшая оседлое и кочевое население и уходившая глубоко в экономические условия существования тех и других. С приходом Александра Македонского и созданием эллинистических государств система была разрушена, экономические связи оказались разорванными вследствие изоляции оседлого населения от кочевников. Последние вынуждены были совершать грабительские походы, чтобы как-то компенсировать утраченные связи. Так возникали условия, подводящие к созданию государств, возглавлявшихся кочевниками, подобных Аршакидскому царству (с. 30, 31, 46–50).

Соответственно целью следующего раздела своей работы автор считает выяснение роли номадов в создании Аршакидского царства (с. 51). Главной причиной успеха, быстрого «взлета» этого царства было удачное сочетание традиций оседлого населения Парфии и степных традиций аларнов: первые Аршакиды сумели в короткое время освоить важные элементы восточной и эллинистической культур, не прерывая в то же самое время связей с кочевым миром (с. 67, 76). Время от походов Александра до середины III в. до н.э. было временем разительных перемен на политической карте Средней Азии. Главным фактором этих перемен явились передвижения кочевых племен дахов, которые и основали Аршакидское государство (с. 51–60). Реконструкция автором основных событий, связанных с основанием этого государства, и их последовательности (в основном по И. Вольскому) кажется убедительной, удачно сочетающей показания разнородных источников: провозглашение Аршака царем апарнами в Аставене (247 г. до н.э.), восстание селевкидского сатрапа Андрагора в Парфии (245 г. до н.э.), вторжение Аршака в Парфию (238 г. до н.э.) (с. 61–63). Временем создания и упрочения Аршакидского царства автор считает период от Аршака I до Фраата I (ок. 247–170 гг. до н.э.) (с. 76).

Историю Парфии в период больших вторжений кочевников в Туркестан и Иран II в. до н.э. автор вполне обоснованно считает необходимым рассматривать в контексте общих передвижений степных племен на всем пространстве от границ Китая до Северного Причерноморья. Исходным импульсом для миграционных процессов послужила консолидация Китая в мощную империю в конце III в. до н.э., породившая соответствующие объединительные тенденции у кочевых племен хунну (с. 77). Автор и начинает данный раздел с рассмотрения событий, происходивших в это время у хунну, и взаимоотношений последних с Китаем, миграций кочевых племен юечжи, усунь и саков (с. 78–82). Но основное внимание он уделяет политике парфянских царей Митрадата I, Фраата II, Артабана I и Митрадата II по отношению к кочевникам на восточных границах их царства, попутно рассматривая свидетельства о втор-

жении кочевников в Бактрию (с. 91–96) и о связях Парфии с Китаем (с. 101–103). Несмотря на ряд неудач, Аршакиды в конце концов вышли победителями в борьбе с кочевниками и при Митрадате II, по мнению автора, достигли наивысшего могущества, превратив свое царство в мировую державу; на востоке она включила тогда территории Систана, Западной Бактрии, Маргианы, среднего течения Амударьи и закаспийских степей вплоть до Узбоя (с. 105).

Аршакидское государство продолжало занимать на востоке доминирующие позиции и в I в. до н.э., хотя временами кочевые племена могли играть решающую роль во внутрипарфянских конфликтах. Саки, осевшие в Дрангиане, оставались под парфянской властью. Сильное парфяное влияние сохранялось в Западной Бактрии, и зона этого влияния распространялась до Кангюя. Область по среднему течению Амударьи прямо контролировалась Аршакидами (с. 106, 136). Уникальную серию монет, указывающую на военные действия парфянского царя в Рагах, Маргиане, Траксиане, Нисее и Арее, автор относит ко времени после Митрадата II; возможно, она была выпущена Готарзом I (с. 108). Загадочные слова Помпея Трога «*Reges Tocharorum Asiani interitusque Sarsaucarum*» автор понимает как указание на два взаимосвязанных события, относящихся к середине I в. до н.э. (с. 113).

События парфянской истории в период от Артабана II до Готарза II (первая половина I в. н.э.) показывают, как подчеркивает автор, насколько важную роль в ней играли отношения с кочевыми племенами. К этому времени внутри парфянского правящего слоя сформировались три большие группировки («партии»): «легитимистская» – приверженцы главной линии Аршакидов, проримски настроенные, атропатенская и гирканско-дахская (с. 139, 167, 174). Положение осложнялось еще и тем, что на востоке в это время возникло отдельное, хотя и парфянское по происхождению государство, основанное Гондофаром (с. 145, 174). Показательно, что вывел Аршакидское государство из кризиса Артабан II, принадлежавший к парфянской знати, связанной с Гирканией и Карманей, и воспитанный дахами. В соответствующем разделе автор и сосредоточил свое внимание на интересных сообщениях источников относительно связей Артабана с Гирканией и дахами (с. 139–142, 151–155), его соперника Вонона со «скифами» (с. 142, 143), на анализе событий из истории борьбы Вардана с Готарзом, происходившей на далеких восточных окраинах Парфянского государства (с. 160–167), в частности, на любопытных сообщениях источников о «бактрийских полях» (с. 160, 161) и реках Эринд и Синд (с. 163–166) как местах этой борьбы. Очень интересен затронутый автором вопрос о соотношении реального Готарза II и эпического Годарза (с. 157, 167–173). В этом разделе содержится немало и других замечаний, так или иначе затрагивающих важные проблемы, например, о первом упоминании аланов (с. 147, 148), о возникновении отдельного «гирканско-дахского» государства (с. 161).

Со вступлением на престол Волагеса I (середина I в. н.э.), представителя атропатенской «партии», начинается новая эпоха в истории Парфянского государства. Тесные связи Аршакидов с дахами, саками и гирканцами приходят к концу (с. 176–179, 231, 232). Гирканцы даже вообще отпали от Аршакидов и завязали сношения с враждебными им римлянами (с. 181–183); рассматривая эти события, автор останавливается также на интересном и спорном вопросе о пути, по которому возвращались от римлян гирканские послы (с. 181, 182). Главным противником парфян в степной зоне в это время становятся аланы; анализируя взаимоотношения парфян с аланами, автор затрагивает ряд проблем, несомненно интересных и важных для истории алан и вообще степных народов данного времени (с. 190–208).

Нельзя не учитывать в дальнейшем и результаты комплексного рассмотрения М. Ольбрыхта исторической ситуации, сложившейся на восточных рубежах Парфянского государства в эпоху поздних Аршакидов (с. 212–220), в том числе положения в Маргиане (с. 215–218), истории индо-парфянских владений (с. 218–220). То же самое нужно сказать и о наблюдениях автора относительно взаимоотношений Аршакидов с Кушанским государством и о месте индо-парфян в этих взаимоотношениях (с. 221–231). В рассматриваемое время устанавливаются трансконтинентальные торговые пути, связывающие Китай со Средиземноморьем («Великий Шелковый путь»). С Парфянским государством тесно связана история не только южных ветвей этих дорог, но и северных (степных); и этих тем касается автор рецензируемой книги (с. 186–190, 210–212, 214–216, 233, 234).

В целом книга М. Ольбрыхта безусловно является ценным вкладом в познание истории Аршакидского государства – одной из мировых держав древности. Рассмотрение этой истории в необычном ракурсе – можно сказать, «с тыла», – позволяет увидеть многие события и процессы в новом свете. Широкий охват проблем при рассмотрении истории Аршакидского государства в контексте мировой истории, комплексная реконструкция прошлого с помощью привлечения самых разнообразных источников – литературных (как античных, так и восточных), эпиграфических и нумизматических, равно как и археологических, максимально полное исполь-

зование научной литературы, особенно новейшей, – все это позволяет высоко оценить рецензируемую работу.

Хотелось бы подробнее остановиться на отдельных проблемах, затронутых в рассматриваемой книге. Начнем с самых существенных, касающихся территориального «ядра» Аршакидского государства – собственно Парфии и этнической первоосновы этого государства – народа дахов.

Камнем преткновения для исследователей всегда являлось точное определение территории Парфии в узком смысле¹. Автор, описывая территориальное «ядро» Аршакидского государства, следующим образом определяет его границы: на севере и юге – пустыни и степи (на юге это Большая Соляная пустыня к югу от Эльбурза), на западе – Гиркания, на юго-западе – Каспийские ворота и Мидия, на востоке – Арея и Маргиана (с. 72, 73). При этом «равнины Парфии» им локализируются в оазисах Ахал и Этек к северу от Копетдага, а Несея – почему-то отдельно, на «периферии Гиркании» в Мешед-Мисрианской равнине (с. 47, 74)². Здесь же автор цитирует Страбона (XI. 9. 1), который говорит, что при персах (т.е. в ахеменидские времена) и македонянах Парфия была невелика, ныне же (речь идет о времени Аполлодора Артемитского – конце II – начале I в. до н.э.) она увеличилась и в состав ее входят Комисена и Хоарена, как и области до Каспийских ворот, до Раг и тапиров, ранее принадлежавшие Мидии. Так в научных трудах обычно и определяются границы и состав Парфии³.

Получается, что первоначальная Парфия (Παρθυα(α, Παρθυνη) являлась небольшой областью в подгорной полосе Копетдага (Ахал и Этек), и лишь в аршакидские времена Парфия необычайно расширилась, достигнув на западе Каспийских ворот. Однако такое представление вступает в явное противоречие с источниками. Давно замечено, что Каспийские ворота были западной границей Парфии уже во времена походов Александра⁴ (это отмечает и автор: с. 73, прим. 133). Анализ имеющихся данных показывает, что таким же было положение и при первых Ахеменидах⁵. Более того, территория Парфии в ахеменидские времена ограничивалась действительно небольшой областью вдоль южных склонов Эльбурза, к югу от Гиркании: это следует из сообщений историков Александра и обобщившего их данные Эратосфена⁶. Здесь и находились Хоарена, примыкавшая на западе к Каспийским воротам, и Комисена с древней столицей Парфии, названной греками Гекатомпиллом, ныне Шахри-Кумис у Дамгана. Все это заставляет согласиться с небольшой корректировкой текста приведенного выше сообщения Страбона, предложенной И. Марквартом, из которой вытекает, что слова о прежней принадлежности к Мидии относятся лишь к землям, простирающимся с запада на восток вплоть до Каспийских ворот, Раг и тапиров, и отражают процесс постепенного расширения владений Аршакидов на западе в течение II в. до н.э.⁷

Область Туркмено-Хорасанских гор к востоку от Эльбурза в доаршакидские времена принадлежала совсем иному культурному и этническому миру. К концу ахеменидской эпохи эта область считалась частью Ареи: первым крупным поселением на пути воинов Александра к востоку от Парфии был арейский город Сусия (Тус – по почти всеобщему признанию⁸).

Эратосфен, опиравшийся в своих представлениях о востоке ойкумены в основном на данные историков Александра, знал, что хотя ареи и находятся главным образом к югу от горного

¹ Ср.: Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. М., 1985. С. 209.

² Это утверждение, очевидно, навеяно словами Страбона (XI. 7. 2) о том, что какие-то его предшественники относили Несею к Гиркании. Но такое положение характеризует лишь временную ситуацию, когда Гиркания, видимо, вообще охватывала большую часть Хорасана. К тому же источнику восходят сведения Птолемея (VI. 9. 5) о принадлежности к Гиркании и таких удаленных от нее областей, как Аставена (долина Верхнего Атрека) и Сиракена (Серахс).

³ См., например: Древнейшие государства... С. 209; *Bivar A.D.H. The Political History of Iran under the Arsacids // The Cambridge History of Iran. V. III (1). Camb., 1983. P. 24, 26.*

⁴ *Marquart J. Untersuchungen zur Geschichte von Eran. Ht II. Lpz, 1905. S. 33, 34, 38–40.*

⁵ *Пьянков И.В. Средняя Азия в античной географической традиции. М., 1997. С. 195.* Таким было положение и еще раньше, при ассирийцах (время Асархаддона, ок. 680–670 гг. до н.э.): *он же. Источники и литература // История таджикского народа. Т. I. Душанбе, 1998. С. 24.*

⁶ *Он же. Средняя Азия... С. 166.* Такой же оставалась Парфия ко времени образования Аршакидского государства; учет этого обстоятельства помогает правильно понять связанные с воцарением Аршака события; *он же. Античные авторы о Средней Азии и Скифии // ВДИ. 1994. № 4. С. 205.*

⁷ *Marquart. Op. cit. S. 40. Anm. 2.*

⁸ *Пьянков И.В. Хорасмий Гекатей Милетского // ВДИ. 1972. № 2. С. 15, 16; он же. Хорезм в античной письменной традиции // Хорезм и Мухаммад ал-Хорезми в мировой истории и культуре. Душанбе, 1983. С. 43, 44.*

хребта, делящего Азию на южную и северную половины (т.е. в данном случае к юго-востоку от Туркмено-Хорасанских гор), но часть их обитает в самих горах и даже к северу от гор⁹. Это утверждение позволяет установить источник Птолемея в том месте (VI. 17. 3), где он говорит о нисеях и аставенах как обитателях самой северной части Ареи. Границей Ареи с Парфией и Карманийской пустыней (Большой Соляной пустыней) Птолемей (VI. 5. 1; 17. 1. 3) считает Масдоранские горы (Биналуд-кух).

Это положение хорошо иллюстрируется археологическими материалами. Арея в ахеменидские времена являлась крайней западной частью Арианы – большой этнической общности, единство которой отражено и в культурной общности: это археологические комплексы типа Яздепе – Кучуктепе – Тиллятепе – Нади-Али¹⁰. Как известно, памятники этого круга имеются и в подгорной полосе Копетдага (т.е. в Ни(е)сее), засвидетельствованы они и в Кучано-Ширванской долине (т.е. в Аставене)¹¹, иными словами, распространены в западном направлении как раз до хребта Биналуд. Гиркания и Парфия принадлежали тогда другому миру – западноиранскому. Соответственно и гирканские археологические культуры того времени – «архайческого Дахистана» (в ахеменидскую эпоху прекратившая свое существование, по-видимому, из-за трансгрессии Каспийского моря) и Туренгтепе – свидетельствуют о совсем иных, западных связях своих носителей¹².

Положение изменилось лишь в аршакидскую эпоху. Хотя даже у Страбона, который уже использовал источники аршакидского времени, нигде не видно, чтобы он представлял себе Несею как часть Парфии в узком смысле (см. XI. 7. 2, 3; 8. 3). Лишь Исидор Харакский (Stathm. 12) и Плиний (NH. VI. 113) определенно или прямо отождествляют Нисею с Парфиеной или считают ее частью последней¹³.

Трудно сказать, почему две разные области носили одно и то же название. Может быть, дело в том, что обе они расположены вдоль края – одна вдоль южного, другая вдоль северного – Туркмено-Хорасанского горного массива. А нарицательное значение слова *παρθ(σ)αβα*, согласно наиболее убедительному толкованию, «бок», «край», применительно к территории «[страна] у края (подножия) горы». Впоследствии и туркмены называли эти области – северную подгорную полосу Копетдага и южную полосу от Дамгана до Туршиза – одинаково «Этек», т.е. «край», «кайма» в смысле «подошва горы»¹⁴.

Не меньше трудных вопросов задает история дахов – кочевого народа, основавшего Аршакидское царство.

М. Ольбрыхт отмечает, что о первоначальном месте обитания дахов письменные источники ничего не сообщают, но ко времени походов Александра (а может быть, уже и при Ксерксе), судя по тем же источникам (Страбон. XI. 9. 3; Арриан. III. 28. 8, 10; Курций. VIII. 1, 8), дахи обитали в степной области у Сырдарьи, от Северо-Западной Согдианы, непосредственно к западу от Мараканды, до Аральского моря (с. 39). Отсюда дахи в конце IV или начале III в. до н.э., может быть в период до 293 г. до н.э., двинулись на юг, в степи Южного Туркменистана, и это их передвижение, возможно, было отмечено разрушениями селевкидских городов в Маргиане и Арее (с. 42, 43). Пути передвижения дахов точно не известны, но поскольку территория к северу от Узбоя была занята мощным объединением апасиаков, с которым позднее и у Аршака были хорошие отношения, данное направление, как справедливо отмечает автор, для дахов было исключено (с. 57, 61). Чтобы полнее представить этот процесс, он с полным основанием, как мы думаем, ссылается в качестве параллелей на переселения огузов и узбеков Шейбани-хана из-за Сырдарьи на юг (с. 47, прим. 163; с. 61, прим. 65)¹⁵. В целом все эти

⁹ *Он же*. Средняя Азия... С. 166.

¹⁰ *Он же*. Ариана по сведениям античных авторов // Восток. 1995. № 1. С. 48, 51; *он же*. Некоторые вопросы этнической истории древней Средней Азии // Восток. 1995. № 6. С. 29–31.

¹¹ *Сарианиди В.И.* Древние земледельцы Афганистана. М., 1977. С. 113.

¹² Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М. – Л., 1966. С. 181, 182; *Cleuziou S.* L'Age du Fer à Tureng Tepe et ses relations avec l'Asie Centrale // Symposium franco-soviétique de Dushanbe, avril 1982. P. 11–15 (текст докладов – в Библиотеке АН Таджикистана).

¹³ Однако города «Парфавниса», фигурирующего в трудах многих наших историков, по-видимому, все же не существовало. Правильное чтение соответствующего места в сочинении Исидора Харакского (Stathm. 12): «Затем Парфиена... в ней ущелье Парфау. Город Ниса...» (*Marquart*. Op. cit. S. 66. Anm. 2; *Пьянков*. Средняя Азия... С. 260, 261).

¹⁴ *Бартольд В.В.* Историко-географический обзор Ирана // *Бартольд В.В.* Соч. Т. VII. М., 1971. С. 103; *Rawlinson G.* Parthia. 3 impr. L. [6. г.]. P. 4, 5.

¹⁵ Примерно тот же ход событий, с введением некоторых новых деталей, реконструирован для расселения дахов на юге и образования Аршакидского государства в кн.: *Lerner J.D.* The impact of Seleucid

положения М. Ольбрыхта достаточно убедительны, но я все же попытаюсь внести в них некоторые коррективы.

Прежде всего это относится к определению местообитания дахов во времена Александра. Кажется, что дахи тогда обитали еще по правую сторону Сырдарьи, – скорее всего вдоль среднего ее течения. Указание Страбона (XI. 9.3), восходящее к Аполлодору Артемитскому¹⁶, «выше, над» (ὑπερ) Меотидой – не обязательно подразумевает непосредственное соседство с Меотидой, т.е. Аральским морем в данном случае. Это обычное в античной географии указание на местонахождение в глубине материка, вдали от моря. Зато указание Арриана (III. 28. 8) на местообитание дахов «по ту сторону» (ἐπὶ τῆδε τοῦ...) Танаиса¹⁷, т.е. в Европе, определенно имеет в виду правый берег Сырдарьи. Здесь мы опять-таки сталкиваемся с обычным для античности определением местонахождения с позиции автора, в данном случае жителя Европы. Что же касается указания Курция (VIII. 1. 8) на соседство дахов и массагетов с хорасмиями, то здесь нужно учитывать следующее. Во-первых, дахи в тексте Курция вообще часто дублируются, а то и подменяют массагетов¹⁸. В этом сказалось влияние одного из источников Курция (видимо, Помпея Трога), который хорошо знал современных ему парфян, интересовался их (а следовательно, и дахов) прошлым и излагал историю Александра с позиций своего времени. Во-вторых, мощное Хорезмийско-Апаснакское объединение действительно достигало на севере Сырдарьи (Танаиса, по Полибию, X. 48), где оно и могло граничить с дахами.

В таком случае дахи должны быть тождественны «европейским» скифам историков Александра. Дело в том, что историки Александра, следуя одной версии, называют кочевников Средней Азии их собственными именами, а следуя другой – условными «географическими» обозначениями. Действительно, давно уже замечено, что дахи первой версии соответствуют «европейским» скифам второй¹⁹. Собственно, Курций (VI. 2. 14) прямо называет «скифов», которые основали Парфянское царство (т.е. дахов, ср. с. 39 рецензируемой работы), «европейскими». Такому определению местообитания дахов во времена Александра ближе соответствуют и упомянутые выше аналогии из более поздней истории: движение и огузов, и узбеков Шейбани-хана на юг, через Сырдарью, началось, как известно, из областей правобережья Средней Сырдарьи. О переходе дахами Сырдарьи в ее среднем течении свидетельствует и то, что среди разрушенных «варварами» городов были не только греческие колонии Маргианы и Ареи, но и Александрия Крайняя на Сырдарье (в районе Ходжента)²⁰, и то, что ответный поход Демодама в Скифию был совершен тоже через Сырдарью в тех же местах²¹. В контексте этих событий надо понимать и сообщение Курция (VII. 6. 12) о том, что Александр будто бы запретил «европейским» скифам переходить Танаис.

М. Ольбрыхт тщательно прослеживает судьбы дахов и после их переселения на новые места, на территорию современной Южной Туркмении (с. 51–76, 138–175 и др.), анализируя, в частности, свидетельства античных авторов о дахах на северной границе Селевкийского Ирана (с. 51–58). Здесь хотелось бы остановиться на двух вопросах: о долине реки Ох как месте первоначального кочевания дахов-апарнов Аршака и о Синде как границе между ариями и дахами.

Об области реки Ох как месте «исхода» дахско-апарнской экспансии говорит Страбон (XI. 9. 2; см. с. 63 рецензируемой работы), заимствуя, в конечном счете, информацию у Аполлодора

---

decline on the Eastern Iranian plateau. Stuttgart, 1999. P. 29–31. Относительно исторических аналогий отмечу, что я уже давно обращал внимание на устойчивую повторяемость в передвижениях степного населения Евразии и возможность создания общей модели таких передвижений, с помощью которой, при учете и отдельных аналогий, можно было бы реконструировать те или иные моменты в конкретной истории степных миграций (Пьянков И.В. К вопросу о путях проникновения ираноязычных племен в Переднюю Азию // Переднеазиатский сборник. III. М., 1979. С. 194–199; он же. Движение степного населения в евразийской полосе степей и проблемы этнической истории древнейших индоиранцев // Материальная культура Таджикистана. Вып. 4. Душанбе, 1987. С. 72–76). Поразительно и совпадение путей передвижения и вообще исторических судеб дахов и огузов-сельджуков (Пьянков. К вопросу о путях... С. 195. Прим. 4).

¹⁶ Пьянков. Средняя Азия... С. 68, 233, 234.

¹⁷ В переводе М.Е. Сергеевко (Арриан. Поход Александра. М.–Л., 1962. С. 129): «даи, народ, живущий за Танаисом». По смыслу, в контексте описываемых событий, такой перевод правилен.

¹⁸ Хотя иногда бывает и наоборот, ср. *Vogelsang W.I. The Rise and Organisation of the Achaemenid Empire*. Leiden – New York – Köln, 1992. P. 223.

¹⁹ Пьянков. Хорезм... С. 50; он же. Средняя Азия... С. 228; он же. Античные авторы... С. 203.

²⁰ Он же. Александрия Крайняя в известиях античных авторов // Исследования по истории и культуре Ленинабада. Душанбе, 1986. С. 76, 77.

²¹ Он же. Средняя Азия... С. 53, 54.

Артемитского. В сведениях об Охе существует большая путаница, отмечавшаяся еще античными авторами; разобраться в ней можно при учете того обстоятельства, что под названием Ох имелись в виду две разные реки, сведения о которых сообщали два разных автора²². У Аполлодора сообщение об Охе явно связано общим контекстом с упомянутым выше сообщением о дахах-апарнах Аршака – это река, которая протекает через Несею и впадает в Каспийское море в пределах Гиркании южнее Окса и отдельно от него (так у Страбона – XI. 7. 3; 11.5).

Если учесть, что под Оксом в данном случае явно имеются в виду низовья Узбоя, то Ох здесь вряд ли может быть какой-либо иной рекой, кроме Атрека²³. И сам М. Ольбрыхт считает, что долина Атрека и Сумбара была идеальным местом для апарнов Аршака, где, к тому же, и археологически засвидетельствовано присутствие кочевников (с. 62). Поэтому остается непонятным, почему же он, тем не менее, считает Охом Узбой (с. 74, ср. с. 58, где Узбой назван – несомненно правильно – Оксом)?

О реке Синд говорится в связи с борьбой двух претендентов на парфянский престол: Вардана и Готарза, опиравшегося на гирканцев и дахов. Тацит (Ann. XI. 8, 10; см. с. 163 рецензируемой работы) рассказывает, что Вардан, наступая, вышел к реке Эринд, переправился через нее и покорил народы, обитавшие между этой рекой и рекой Синд, которая разделяет дахов и ариев. География этого рассказа трудна для интерпретации и всегда вызывала споры. М. Ольбрыхт считает, что первая из упомянутых рек – это Гурган или Атрек, а вторая, может быть, соответствует низовьям Сырдарьи, как полагал еще А. фон Гутшмид (с. 163–165). Первая река, действительно, скорее всего, река Гурган, хотя название ее, видимо, искажено у Тацита из первоначального «Хринд» (Erindes <Χρινδης)²⁴. О реке Кирринд в этих же местах упоминается еще во времена шаха Аббаса²⁵. Возможно, эта же река фигурирует и в Авесте (Vid. I. 11) как «Хнинта гирканская», хотя фонетически такое соответствие объяснить было бы трудно²⁶. Вторая река, как ни заманчиво предположение автора о ее идентификации, – все же, видимо, Атрек или его приток. И в новые времена один из притоков Атрека именуется у персов «Сунд»²⁷. А в одном – правда, не вполне ясно – месте Бундахишна (XX, 30) указывается, что река Вех (т.е. Ох) называется также и Синдом²⁸. Что же касается ариев и дахов, то это сочетание является, скорее всего, отзвуком авестийского (Yt. XIII. 143, 144) перечня народов «арьи, туры, саримы, санийцы, дахи». Как раз в это время Авеста подвергалась парфянскому редактированию, в процессе которого к первоначальной триаде, видимо, и были добавлены «санийцы» (усуни?) и «дахи».

В вопросе об археологической атрибуции дахов М. Ольбрыхт занимает, как мне кажется, совершенно неувязимую позицию. Действительно, показания письменных и археологических источников не всегда так удачно совпадают и дополняют друг друга, как в данном случае. Автор, ссылаясь на работы А.А. Марущенко, А.М. Мандельштама и В.П. Никонорова²⁹, связывает дахов с погребениями в катакомбах и подбоях, ориентированными на юг, которые в эллинистическую и аршакидскую эпохи были распространены в подгорной полосе Копетдага, в долине Сумбара, на Нижнем Узбое и у Балхана, а также в области Сарыкамыша (с. 251). Указывая, что такие же погребения появляются на Южном Урале еще в V в. до н.э., а потом становятся характерными для ранне- и среднесарматской (прохоровской и сусловской) культур,

²² Он же. Античные авторы... С. 204; он же. Средняя Азия... С. 68, 246, 247.

²³ Атрек, конечно, не течет по Несею непосредственно (хотя Сумбар, главный приток Атрека, начинается совсем недалеко от северной подгорной полосы Копетдага). Здесь у Страбона следовало бы ожидать еще и упоминания Аставены (области по верхнему течению Атрека). Обе области, Несея и Аставена, обычно упоминаются в источниках вместе. Как Несея, так и Аставена играли большую роль в ранней истории Аршакидов (ср. с. 61 рецензируемой книги). Поэтому отсутствие Аставены в данном случае можно объяснить или тем, что она считалась частью Несеи, или просто неточностью цитации Страбоном своего источника.

²⁴ Herzfeld E. The Persian Empire. Wiesbaden, 1968. P. 321; Kiessling E. Hyrkania // RE. 1914. Bd VIII. Col. 507.

²⁵ Minorsky V. Hudūd al-‘Alam. «The Regions of the World». L., 1937. P. 386.

²⁶ Herzfeld. Op. cit. P. 321; Kiessling. Op. cit. Col. 468, 516.

²⁷ Spiegel F. Eran. Das Land zwischen dem Indus und Tigris. B., 1863. S. 124.

²⁸ Markwart J. Wehrot und Arang. Leiden, 1938. S. 5–7, 174. Ср. Чунакова О.М. Зороастрийские тексты. М., 1997. С. 296.

²⁹ Марущенко А.А. Курганные погребения сарматского времени в подгорной полосе Южного Туркменистана // Труды Института истории, археологии и этнографии АН Туркменской ССР. Т. V. Ашхабад, 1959; Мандельштам А.М. Заметки о сарматских чертах в памятниках кочевников южных областей Средней Азии // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984; Никоноров В.П. Вооружение и военное дело в Парфии. Дис. канд. ист. наук. Л., 1987.

автор (с. 252) вместе с В.П. Никоноровым считает вероятным, что дахи и пришли в Среднюю Азию из пределов этого «сарматского» культурного круга.

Эта же мысль давно и не раз высказывалась и мною³⁰. Последние археологические исследования не только подтверждают, но и конкретизируют реконструируемую в таком виде картину. Оказывается, что памятников «раннесарматской» (прохоровской) культуры на ее коренной территории на Южном Урале в III в. до н.э. уже нет³¹, а памятники «средне-сарматской» (суловской) культуры, генетически связанной со своей предшественницей в Зауралье, тяготеют к культурам правобережья Средней Сырдарьи и даже имеют в связи с Серахским оазисом³² (это уже Арея). Таким образом, по этим памятникам можно проследить путь дахских «изгнанников из Скифии» (ср. р. 63–65 рецензируемой книги) от Южного Урала до Южной Туркмении³³. Как след дахов на этом пути можно рассматривать и «сарматские» погребения с южной ориентировкой в районе Бухары и Самарканда, хотя М. Ольбрыхт почему-то считает их, вместе с некрополями бишкентской группы, принадлежащими асиям (с. 124)³⁴. Более вероятно, что указанные «сарматские» памятники Согдианы принадлежали тем дахам, которые, согласно Меле (I. 13; III. 42), обитают вместе с согдийцами внутри материка, «выше» приморских «Скифских пустынь», у поворота Окса (Амударьи) на север³⁵.

Автору известна и другая точка зрения в вопросе об археологической атрибуции дахов. Ссылаясь на работу Б.И. Вайнберг и Х.Ю. Юсупова³⁶, он отмечает, что недавно с дахами были идентифицированы носители чирикратской культуры, но приведенную в этой работе аргументацию приходится признать неосновательной (nicht stichhaltig) (с. 252, прим. 21).

Надо сказать, что Б.И. Вайнберг высказывала свой взгляд на обсуждаемые здесь вопросы – археологическую атрибуцию дахов и этническую атрибуцию подбойно-катакомбных погребений – во многих работах. И в своей недавно вышедшей фундаментальной и несомненно ценной монографии³⁷ она вновь возвращается к этим же вопросам, но, к сожалению, отстаиваемая ею точка зрения (дахи – носители чирикратской культуры, подбойно-катакомбные погребения «сарматского» облика – памятники юэчжей!) действительно выглядит неубедительной. Б.И. Вайнберг пишет: «И.В. Пьянков в течение многих лет настойчиво связывают сообщение Аполлодора о переселении дахов из области «над Меотидой» (Аральским морем в данном случае) с предполагаемым им распространением прохоровской культуры на юге Средней Азии», хотя на самом деле можно говорить будто бы только о «сходстве типов оружия из склепов на Дордуле с прохоровскими»³⁸. Но ведь речь идет об общности именно погребальному обряду (подбойно-катакомбные погребения с южной ориентировкой), который, безусловно, является главным признаком при определении и культурной, и этнической принадлежности.

Б.И. Вайнберг видит противоречие и в том, что исследователи связывают одну и ту же прохоровскую культуру одновременно и с дахами, и с аорсами³⁹. На самом деле никакого противоречия в этом, конечно, нет: можно приводить бесчисленное количество примеров, когда один и тот же народ (особенно в степной полосе Евразии) носил разные названия в разных по происхождению источниках. Рецензируемая работа и в этом отношении дает нам интересные поводы для раздумий. М. Ольбрыхт вполне резонно ставит в связь с переселе-

³⁰ Пьянков. Античные авторы... С. 202–205; он же. Массагеты Геродота // ВДИ. 1975. № 2. С. 68.

³¹ Зуев В.Ю. Раннесарматская культура IV–III вв. до н.э. СПб., 1998. С. 1–5.

³² Баталов С.Г., Усманова Э.Р. Памятники II в. до н.э. – I в. н.э. в урало-казахстанских степях // Приаралье в древности и средневековье. М., 1998. С. 151–155.

³³ Впрочем, наверное, дахи уже во времена Александра (а может быть, и Ксеркса) обладали землями от правобережья Средней Сырдарьи до Южного Зауралья, так как эти области всегда были связаны между собой в качестве места зимовий и летовок кочевников. Так что «европейские» скифы (= дахи), современники Александра, действительно могли иметь тылы далеко на Урале (с. 40 рецензируемой работы).

³⁴ Исследователь «сарматских» погребений Согда О.В. Обельченко указывает на полное сходство, до идентичности, и генетическую связь этих погребений с «сарматскими» погребениями Южного Урала и Поволжья, – с одной стороны, и резкое отличие их от могильников Бишкента – с другой (Обельченко О.В. Культура античного Согда. М., 1992. С. 140, 221).

³⁵ Пьянков. Средняя Азия... С. 124, 172, 256, 268.

³⁶ Вайнберг Б.И., Юсупов Х.Ю. Кочевники Северо-Западной Туркмении // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время / Отв. ред. М.Г. Мошкова. М., 1992.

³⁷ Вайнберг Б.И. Этногеография Турана в древности. М., 1999. С. 241–249, 260–264.

³⁸ Там же. С. 229.

³⁹ Там же. С. 230, 231.

нием дахов на юг начало движение «сарматов» на запад в конце IV–III в. до н.э. (с. 45, 46, 132, 133), а принадлежащие этим «сарматам» подобно-катакомбные погребения прохоровской и сусловской культур характеризуются той же южной ориентировкой погребенных, которая свойственна, как мы видели, и погребениям дахов (с. 252). А то, что реальными носителями прохоровской и сусловской культур в Европе являются аорсы, вряд ли подлежит сомнению⁴⁰. Так мы приходим к выводу, что дахи и аорсы – одно и то же племя под двумя разными названиями⁴¹.

М. Ольбрыхт полагает, что движение аорсов на запад явилось эхом событий, развергивавшихся на далеком востоке Центральной Азии в конце III–II вв. до н.э., – экспансии хуннов и миграции юэчжей (с. 77, 136). Предложенная выше археологическая идентификация аорсов позволяет считать, что это движение началось намного раньше, еще в IV в. до н.э. Именно в это время «прохоровцы» продвигаются на запад, в сторону Поволжья, а отсюда, с севера, проникают и на юг, на Устюрт, Узбой и в Хорезм (ср. с. 248, 249 рецензируемой книги)⁴². Присутствие аорсов в Заволжье, Северном и Восточном Прикаспии зафиксировано Птолемеем (VI, 14, 10) и Страбонам (X, 5, 8) (см. с. 133–136), данные которых, видимо, восходят тоже к IV–III вв. до н.э.⁴³ Продвижение тех же «прохоровцев», но уже под названием дахов, на юго-восток, очевидно, началось несколько позже.

В свете предполагаемых связей дахов с аорсами особый интерес приобретают следующие наблюдения автора. В начале I в. н.э. Вонон, Аршакид, претендент на парфянский престол, собиравший бежать из пределов римских владений к «единокровному ему», как говорит Тацит (Апп. II, 68), «царю скифов»; можно вполне согласиться с автором (с. 143), что под последними имелись в виду, скорее всего, аорсы. А в рассказе о несколько более поздних событиях у Тацита (Апп. XII, 15) выступает царь аорсов Эвнон (= Вонон). Автор думает, что все это указывает на династические связи и что, возможно, Аршакид Вонон был сыном «скифской» принцессы (с. 143, 144). Но нет ли здесь указаний на более глубокое родство, на то, что и парфяне, и аорсы знали об общем происхождении («единокровности») своих правящих родов? Ведь, по Страбону (ср. XI, 5, 8; 9, 3), и дахи, и аорсы были одинаково переселенцами, изгнанниками из мест, расположенных «выше», – может быть, из страны той «царствующей» орды (ксандиев, см. с. 57), которая обитала «над Меотидой».

С историей дахов и Аршакидов тесно переплелись исторические судьбы другого среднеазиатского народа – апасиаков, которым в рецензируемой книге уделено немало внимания. Концепция автора – апасии-апасиаки являлись доминирующей массагетской группой, после того как массагеты были оттеснены дахами на север, к северу от Узбоя. Эта группа в III в. до н.э. контролировала обширные территории от Узбоя у границ с Гирканией до Нижней Сырдарьи, включая Хорезм, и играла значительную роль в истории ранних Аршакидов (с. 36, 43, 52, 57–60, 65, 193, 256)⁴⁴ – вполне соответствует моей трактовке сведений об апасиаках (судя по ссылкам на мои работы по указанным страницам, автор хорошо знаком с ней)⁴⁵. В свете последних археологических публикаций именно чирикрабатская культура ближе всего соответствует первоначальному ядру апасиаковского объединения; аргументацию к этому тезису я надеюсь дать в будущем.

С массагетами связаны, в свою очередь, дербики. М. Ольбрыхт считает, что дербики, которых следует причислять к массагетам, в ахеменидские времена занимали закаспийскую область к северу от Гиркании, но миграцией дахов были раздроблены: часть осталась на Оксе-Узбое, а другая часть ушла на южный берег Каспия – здесь, видимо, он следует мнению А. Херрманна⁴⁶; в III в. до н.э. они обитали на западной окраине дахской территории: на Нижнем Узбое и у Каспийского моря (с. 28, 43, 44, 52). Я думаю, что названия «дербики» и «массагеты» – синонимы, хотя источники, сообщавшие о дербиках, наверное, действительно имели в виду преимущественно юго-западную часть обширного племенного объединения массагетов. Что же

⁴⁰ Смирнов К.Ф. Савроматская и раннесарматская культуры // Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989. С. 174, 175.

⁴¹ Пьянков. Античные авторы... С. 202, 203.

⁴² Все эти области были связаны путями перекочевков именно с Северо-Восточным Прикаспием.

⁴³ Смирнов. Ук. соч. С. 175. Об источнике указанного сообщения Птолемея см. Пьянков. Средняя Азия... С. 55.

⁴⁴ См. также Olbrycht M.J. Central Asia and the Arsakid kingdom // Взаимодействие культур и цивилизаций. СПб., 2000. С. 181.

⁴⁵ Основные ее положения см. Пьянков. Хорезм... С. 50.

⁴⁶ Herrmann A. Alte Geographie des unteren Oxusgebietes // Abh. der Königl. Ges. der Wiss. zu Göttingen. Phil.-hist. Klasse. N.F. Bd XV. № 4. 1914.

касается дрибактов (Дρυβάκται) Птолемея (VI. 12.4), живших рядом с оксидранками (т.е. обитателями Оксийского озера или области вокруг него), и дребиков (Drebices) Плиния (XI. 48), землю которых «пересекает река Окс, вытекающая из озера Оакс» тоже где-то рядом с окситтагами (= оксидранками), то их нельзя путать с дербиками⁴⁷. Их названия, как и название города Трибакта (Τριβάκτα) (Птолемей. VI. 12.6), находящегося в районе Оксианского озера, явно восходят к какому-то общему прототипу вроде *Друбак- со значением «лесные жители» (ср. славянское «древляне»)⁴⁸. Хотя в данном случае это название относилось к какому-то конкретному массагетскому племени (ср. «массагетов» Геродота – I. 202 и Страбона – XI. 8.7, питающихся древесными плодами и одевающихся в древесное лыко, оно имело нарицательное значение и как таковое могло применяться к любому «лесному» племени, не имевшему к массагетам никакого отношения; видимо, с таким случаем мы и сталкиваемся, когда слышим о «дрибиках» на мидийском побережье Каспия (Птолемей. VI. 2.5).

Рецензируемая работа касается и многих других интересных, сложных и спорных проблем. К сожалению, нет возможности рассмотреть в кратком обзоре каждую из них в отдельности. Отметим только, что Ганг, упоминаемый Аммианом Марцеллином (XXXI. 2.16) в связи с аланами, к индийскому Гангу, конечно, никакого отношения не имеет (ср. с. 191): это Канг (Сырдарья), река страны Кангюй, которая и в китайских источниках упоминается рядом с аланами (см. с. 192, прим. 95, 221).

Многообразие и сложность проблем, затронутых в работе, сами по себе свидетельствуют о ее ценности. Спорность же предлагаемых решений вытекает из самой сути этих проблем. Выдвинутые нами альтернативные решения, в свою очередь, не претендуют на то, чтобы быть окончательными.

И.В. Пьянков

© 2002 г.

Aux origines de l'archéologie aérienne. A. Poidebard (1878–1955). Contributions réunies par L. Nordiguan et J.-F. Salles. Beyrouth, Presses de l'Université Saint-Joseph, 2000

Рецензируемая книга посвящена памяти одного из пионеров использования авиации (авиационной разведки и аэрофотосъемки) в археологии – А. Пуадбара. Ее издание было осуществлено в связи с проведением выставки «Иезуит в небе Леванта: Антуан Пуадбар, пионер авиархеологии и миссионер в Армении». Организатором выставки, расположенной в крипте церкви Св. Иосифа, выступил Католический университет Св. Иосифа в Бейруте (в сотрудничестве с Домом Средиземноморского Востока при Университете-2 Лиона) в рамках празднования 125-летия университета. Основу выставки составляли материалы из архива А. Пуадбара, хранящихся в Восточной библиотеке университета.

Книга включает в себя следующие разделы и статьи: «Предисловие» (написано Селимом Абу, ректором университета Св. Иосифа), «Введение» (принадлежит перу Ж.-Ф. Салля, директора Дома Средиземноморского Востока), «Библиография трудов А. Пуадбара» (70 наименований), «Хронология основных событий жизни А. Пуадбара» (отметим, что в конце представлен впечатляющий список орденов, главным образом военных, которыми он был награжден), «Смерть пилота» – неопубликованный ранее документальный рассказ самого А. Пуадбара, статьи: «Антуан Пуадбар: миссионер, авиатор, фотограф» (Л. Нордигян), «Капитан Пуадбар во французской военной миссии на Кавказе (1918–1921 гг.)» (полковник Х. де Контиво), «Археологические исследования А. Пуадбара в Сирии с 1925 по 1932 г.» и «Страта Диоклетиана» (Т. Бозу), «Воздушная фотография на службе пионерской археологии в сирийской Верхней Джебзире» (К. Кастель), «От византийских ферм к омейядским дворцам, или инженер оценивает сирийские стены Халкидики» (Б. Гейер), «Трансформация сирийских степей. Вклад А. Пуадбара» (Р. Жюбер и Ф. Дебен), «Вклад перспективных фотографий в исследование межеваний: пример Анасаратхи» (Ж. Леблан), «Граница без лimesа?»

⁴⁷ Пьянков. Средняя Азия... С. 55, 148–150, 256, 277.

⁴⁸ Tomaschek W. Centralasiatische Studien. I. Sogdiana. Wien, 1877. S. 25.